

БОЙ ЧАСОВ И МГНОВЕНИЯ СЧАСТЬЯ

ОСНОВАН
1988

Наш гость — писатель М. М. Жванецкий

— Михаил Михайлович, как инженер стал писателем, да еще в такой области литературы, как сатира?

— В 1956 году я окончил институт инженеров морского флота, а затем пошел работать в Одесский порт, который считаю лучшим местом в мире до сих пор. Мне туда очень гуманно предлагают вернуться, потому что профессия у меня сейчас очень опасная. В принципе, там я и научился острить. В то время в порту, как правило, работали люди «отсидевшие» и скорые на расправу. Надо было очень мягко объяснять, чего я хочу, а юмор эти люди воспринимали изумительно. С ним можно было дать любое распоряжение, без юмора — могли просто набить морду, даже если ты начальник. Но если ломалась какая-либо машина в трюме, то уголь выгружали и мы, вместе ее ремонтировали.

Научившись разговаривать с людьми с помощью юмора, я стал участвовать в художественной самодеятельности. Выступали мы с механиком Виктором Ильченко, который впоследствии «связался» с Романом Карцевым. Наши концерты пользовались успехом, и мы организовали театр. В 1964 году я бросил порт и уехал в Ленинград к Аркадию Райкину. Но путь к признанию был непрост. Ни постоянной работы, ни денег... Но настроение было хорошим. Три года я болтался: кто пришлет 3 рубля в конверте, кто вообще не пришлет. Жена какое-то время держалась, а потом ушла. Но я ее понимаю до сих пор. А в 1967 году в театре миниатюр вышел спектакль «Светофор» по моему сценарию. Так я стал профессионалом, получил авторские и стал жить.

— Вы довольны своей жизнью?

— (Смеется). Да как вам сказать... Жизнь вообще стала сложной. Мне, например, уступают место в очередях, дают лучший кусок в магазине и я боюсь оторваться от настоящей жизни. Мы же, писатели, как мешки. Постоянно расходуете, расходуете, но надо и наполнять.

— Последнее время к вам приезжают и зарубежные импресарио. Что думаете об этом?

— Видимо, они тоже могут на этом заработать. Просто так они не ездят, а раз могут зарабатывать, значит, кому-то это интересно. Последнее время вырос спрос на нас, «говорящих», даже при наличии языкового барьера. Недавно ездил на озвучивание картины «Над чем разрешено смеяться» (фильм-концерт, снятый немецкими кинематографистами в Москве, Ленинграде, Одессе) в ФРГ. Для них это сенсация, чтобы человек с бумажкой, без рока, шума, «пара» собрал 14 тысяч зрителей.

— Что вы думаете о происходящих в стране переменях?

— Сейчас складывается новая ситуация, которую я очень поддерживаю. Надеюсь, что перестройка будет развиваться и дальше. Я чувствую, как идет изменение прежде всего нашего сознания, а это главное. Мы сами видим, как открылись ворота. Прежде это напоминало гражданскую войну: муж уезжал, а жена не хотела, девушка уезжала, а любимый оставался. Некоторые мои знакомые уехали. Отъезжающий был для нас — как покойник, и говорили об этом шепотом, да и то только на кухне. Спустила несколько лет они возвращаются. Сейчас возобновляются не только культурные связи, но и связи между людьми. Я целиком поддерживаю курс на разви-

тие гласности в стране и дальнейшую демократизацию нашего общества.

— Ваше жизненное кредо?

— Не пропустить интересного человека.

— Чем вы занимались последнее время?

— Последнее время я был на льдине и вернулся несколько дней назад. Я летал на неделю за Полярный круг на одну из наших дрейфующих станций. Там живут и работают удивительные люди. Я ими восхищен.

А сейчас готовлю новую программу и надеюсь скоро вынести ее на суд зрителей.

— Какое время года вам нравится больше всего?

— Я люблю зиму на севере, а лето на юге. Осень я не люблю всюду, хотя осенью хорошо пишется, получается, что и осень тоже люблю. Зиму очень люблю за тишину, за то, что снег падает очень тихо, в отличие от дождя. Сверху все белое, чистенькое и создается ощущение победы тихого над чем-то, тихого, но упорного. Снег напоминает мне такой характер: тихий, но упорный. Я живу в центре Москвы, а днем он очень шумный. Поэтому я люблю работать в такую погоду ночью.

— А что вы делаете в свободное от работы время?

— У меня его просто нет. А вообще мне нравится готовить. Особенно удаются первые блюда, а это не каждый мужчина сможет. Кстати, приготовление пищи — это мужское дело и не надо этому удивляться. Большинство из нас умеют готовить, но не хотят.

— Ваш любимый праздник?

— Конечно, Новый год. Мы все очень нарядные, и наши дамы тоже. Обязательно красивая елка. За окном мороз и снег, а мы сидим в тепле. Остальные праздники — расплывчатые, целые сутки. А здесь мне нравится, что ровно в 12 часов. Бой часов и мгновения счастья.

Но Новый год — один из самых грустных праздников. Кто-то думает, что еще один год пришел, а я думаю, что еще один год ушел. Это как день рождения. Новый год я очень люблю, хотя он и грустный.

— Что вы думаете о годе Дракона?

— При чем тут Дракон? Я с детства запомнил, что Дракон — это что-то страшное, из трех голов с пылающими языками пламени, да еще темно-зеленого цвета. Если так себе представлять новый год, то лучше вообще не жить. Поэтому я всем советую представить себе 1988 год светлым, красивым, радостным и непременно удачным. А если каждый из нас приложит к этому усилия, то так оно и будет. Счастья всем и успехов!

Т. РОСТОВА.

1988